

ГАЗЕТА

Рос. муз. газета. - 2001. - № 7-8. - с. 8

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ РУССКОЙ КЛАССИКИ

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА МЯСКОВСКОГО

Мой дар убог, и голос мой негромок,
Но я живу и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

В 1907-м году 26-летний Мясковский издал свое сочинение, обозначенное "opus 1". Это был цикл романсов - "Семь размышлений" на стихи Евгения Баратынского: приведенное выше стихотворение открывает цикл. Это же стихотворение можно рассматривать и как эпиграф ко всему творчеству Николая Яковлевича Мясковского - одного из самых удивительных русских композиторов.

Здесь каждая строка - предсказание. "Мой дар убог, и голос мой негромок". Баратынский ясно понимал: оказавшись в поэтическом окружении Пушкина и Лермонтова, его голос, такой отчетливо непохожий на другие голоса той эпохи, вряд ли будет внятно слышан и по достоинству оценен современниками. С Мясковским, увы, произойдет то же самое: на фоне Прокофьева и Шостаковича, его дар действительно покажется (и многим кажется до сих пор) "убогим". "Его найдет далекий мой потомок". Баратынский понимал также: его негромкий голос будет привлекать внимание благодарных потомков. То же произойдет и с Мясковским. Его по-настоящему полюбит лишь подлинный ценитель русской музыки, и вокруг его имени никогда не будет той низкой суеты, что до сих пор досадно омрачает имена двух его великих современников. Недостаточно широкая посмертная популярность Мясковского обернулась для него сегодня одним важным преимуществом: те, кому непонятна и неинтересна его музыка, ни за что не станут притворяться понимающими и заинтересованными. Здесь необходимо именно родство душ автора и его далекого потомка - "душа моя окажется с душой его в сношеньи", и потому сегодня любовь к музыке Мясковского не омрачена ни глупо-никчемной модой, ни малейшим оттенком лицемерия. Потому-то - немногие - действительно глубоко благодарны ему за это.

"И как нашел я друга в поколеньи..."
Всю жизнь самым близким другом Мясковского был Сергей Прокофьев. Трудно представить себе более глубоких творческих антиподов - но так же трудно представить себе людей, более близких духовно: их почти полувековая дружба окончилась 8 августа 1950 года, в день смерти Мясковского. И нельзя забыть, что именно Прокофьев, один из самых одаренных европейских музыкантов, беспощадный критик современной музыки (брюзжавший по поводу Стравинского и почти вообще не замечавший Шостаковича), - столь упорно искал расположения Мясковского, а затем всю жизнь был самым активным и преданным пропагандистом его музыки на Западе. Изданная четверть века тому назад переписка Мясковского и Прокофьева - одна из самых ярких страниц русской эпистолярной, блестящая пленительным юмором и утонченным интеллектом. Мясковский - не просто один из русских композиторов (каких было очень много в то время). Он - неотъемлемая часть и, одновременно, достойнейший представитель той культурной среды, которая обусловила звездный час всей русской культуры на рубеже прошлого и позапрошлого веков. Мясковский - эталон того, что именуется термином "школа" в его самом почетном толковании: школа - как синоним высочайшей дисциплины творческого труда. Мясковский - композитор глубоко трагический. В Галиции ему довелось пройти фронт Первой мировой войны поручиком саперного батальона (по настоянию отца, генерала русской армии, он получил образование военного инженера в кадетском корпусе). Человек, столько раз видевший вокруг себя жуткую смерть, - когда от людей оставались лишь клочья кровавого мяса, притом смерть совершенно ничем не оправданную, - наверное, и к жизни начинает относиться по-другому. Вероятно, именно поэтому Мясковский никогда не боялся репрессий. Поэтому же Союз композиторов в 1948 году так и не дождался от Мясковского ни одного покаянного письма, - да и вообще не дождался от него ни единого слова жалобы.

Эмиграция была внутренне исключена для Мясковского - решительно и навсегда. Прокофьев, не называя своего друга по имени, напишет о нем в дневнике: "Напрасно один мудрый человек говорил: "Не убегайте от событий, события не простят вам этого: когда вы вернетесь, вас не будут понимать". Я не внял его словам". Мясковский - автор двадцати семи симфоний: случай уникальный со времен Гайдна. Двадцать семь симфоний - двадцать семь жизней; все они прожиты Мясковским абсолютно честно - так же, как прожил он свою "внешнюю" жизнь. Среди всех его симфоний особое место занимает Шестая - звездный час композитора и, одновременно, первый настоящий триумф русской музыки после революции. В 1924 году именно Шестая симфония принесла Мясковскому мировую славу. Это был единственный период, когда Мясковский как бы "вышел из тени". В юности его заслонял гений Скрябина (у которого он очень многому научился). Когда Мясковский стал молодым человеком, вперед уверенно вышел Стравинский. Не успел Стравинский покинуть Россию, как о себе громко заявил Прокофьев. И вот настали 20-е годы: Стравинский в эмиграции, Прокофьев в "продолжительной творческой командировке" (выражение наркома Луначарского), а Шостакович - пока еще только талантливый юноша. Мясковский находится в зените творческой зрелости: ему исполнилось сорок, и в русской музыке на родине именно он - самый крупный композитор, самая авторитетная музыкально-общественная фигура. 20-е годы - историческая концовка Русской Революции, эпоха ее выстраданного осознания. Шестая симфония Мясковского - это симфония о революции, о любой революции вообще. В этом музыкальном произведении диалектика революции явлена гораздо глубже и откровеннее, чем в ином историческом или философском романе. Среди всех вокальных жанров Мясковский предпочитал романс: при замкнутости и самоуглубленности композитора, хоровая музыка была для него чересчур публична.

Финал Шестой симфонии - единственное исключение: после темы "Dies irae" Мясковский вводит заупокойный стих "О расставании души с телом"... Именно этот скорбный текст завершает самую трагическую русскую симфонию XX века:

Что мы видели?
Диву дивную,
Диву дивную,
Телу мертвую.
Как душа-то с телом
Расставалась,
Расставалась,
Да прощалась.
Как тебе-то, душа,
На суд Божий идти,
А тебе-то, тело,
Во сыру мать землю.

Ни до, ни после Мясковского ни один русский композитор не посвящал революции столь эпохального и бесспорно трагического полотна. И, конечно же, кроме Мясковского, ни один советский композитор никогда не осмелился бы ввести в свою симфонию тему заупокойного католического песнопения одновременно с темами уличных революционных песен. Счастье, что Мясковский успел обнародовать свою симфонию в первой половине 20-х годов, - иначе не сносить бы ему головы! Это иначе мыслить ему припомнили лишь четверть века спустя, в 1948-м: по мнению руководства Союза советских композиторов, Мясковский "в своем симфоническом творчестве уделял недостаточное внимание русской народной песне" (!)... У Мясковского, смертельно больного раком, уже не было сил реагировать на эту пошлость, и он просто погрузился в молчание. А тогда, в 1924-м, на премьере Шестой симфонии московская публика провожала ее стоя. Четверть часа Мясковского вызывали кланяться, но вышел он нехотя, всего один раз. (Он всю жизнь стеснялся поклонов и оваций.) ...Писать о Мясковском сегодня - неблагоприятный труд: у нынешнего поколения "модных" композиторов и критиков его имя вызывает почему-то лишь небрежную ухмылку. Кроме того, никакие слова все равно не способны передать того удивительного ощущения, которое неизменно сопровождает каждый

личный контакт вдумчивого, обладающего вкусом слушателя с музыкой Мясковского. В ней просвечивает внутренний аристократизм, недолговечный и хрупкий в любой культуре. Все, к чему прикасался Мясковский, неизменно обретало самые благородные черты: даже поверхностная советская лирика Степана Шипачева выглядит в романсах Мясковского изящной классической поэзией.

Мясковский - это, в сущности, и есть Россия, которую мы потеряли. Она, конечно, продолжает существовать рядом с нами, но, увы, только "виртуально". 20 апреля 2001 года Мясковскому исполнилось 120 лет - но Московская консерватория, где он преподавал долгие годы, сумела пока запланировать единственный концерт, посвященный этой дате. Огромное спасибо Елене Борисовне Долинской - организатору этого концерта и научной конференции, а также всем участникам этих немногих, но важных событий отечественной музыкальной культуры! Подобные мероприятия теперь проводятся в основном на голый энтузиазм...

У Баратынского есть небольшое стихотворение о собственном творчестве - оно тоже входит в цикл романсов Мясковского "opus 1". Чем больше вчитываешься в это стихотворение, тем больше кажется, что и оно тоже написано о Мясковском. И тем больше начинает казаться, что подлинное место Мясковского в музыке, относительно Прокофьева и Шостаковича, в точности сопоставимо с местом Баратынского в поэзии - относительно Пушкина и Лермонтова. Место это не самое видное и выгодное, но совершенно уникальное.

Прочтем же теперь стихотворение Евгения Абрамовича Баратынского с особенным вниманием - и поманем Николая Яковлевича Мясковского!

Не ослеплен я Музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши; узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким осуждением,
Ее почит небрежной похвалой.

Дмитрий Горбатов